

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

Колымские рассказы

ФТМ

Москва

2 0 2 0

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6
Ш18

Предисловие И. Сиротинской

Шаламов В.

Ш18 Колымские рассказы : [сборник] / Варлам Шаламов ; [предисл. И. Сиротинской]. — М. : «Т8 Издательские Технологии» / «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020. — 285 с. — (Серия «Мировая классика»).

ISBN 978-5-521-74341-4

Трудом жизни В. Т. Шаламова считается цикл рассказов и очерков «Колымские рассказы», повествующий о жизни советских заключенных, состоящий из шести сборников («Колымские рассказы», «Левый берег», «Артист лопаты», «Очерки преступного мира», «Воскрешение лиственницы» и «Перчатка, или КР-2»). В. Т. Шаламов настаивал, что цельными произведениями являются именно сборники с сохранением порядка, в котором расположены рассказы. В эту книгу вошел авторский сборник «Колымские рассказы».

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Шаламов В. Т., наследники, 2020
© Сиротинская И. П., наследники,
предисловие, 2020
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020

ISBN 978-5-521-74341-4

Ответственность, этика и слово В. Т. Шаламова¹

Варлам Тихонович Шаламов один из тех редких людей, а тем более — писателей, упомянутые качества которых существуют не в декларативной, а в действенной форме. Ответственностью писателя он считал именно художественную правду описываемого.

Часто говорил он: «Писатель — судья времени». Но судья, не произносящий слова с трибун (как обещались теперь слова!). Писатель пропускает через свою душу, сердце, разум, через всего себя — через память души и память тела, как через горнило, и правда в огне таланта выходит, чтобы произнести свое слово о действительности.

Слово правды-памяти, правды-истины, правды-справедливости.

В письме к своему другу Якову Гродзенскому 12 декабря 1964 года он пишет:

Совершив столетний оборот, русское время подходит в своей шкале к нравственному нулю, как накануне 60-х годов XIX века. И возможно, что нужно начать с личного примера, с оценки совестью каждого своего поступка, а в нравственном совершенствовании видеть единственный рецепт выбора — чтобы никогда не повторялось то, что было с нами.

¹ Доклад И. П. Сиротинской на международном конгрессе «Праведники ГУЛАГа», проходившем в декабре 2003 года в Милане. Доклад был впервые опубликован в сетевом издании материалов конгресса, URL: <http://www.gariwo.net/file/Original%20language%20reports.pdf>.

Двенадцатого января 1965 года (ему же):

Главное в человеке, редчайшее и наиболее важное — это его нравственные качества, и роль морального примера в живой жизни необычайно велика.

Я занимаюсь текстами Шаламова, а до этого 16 лет знала его и была его другом. Мне совершенно ясно, что Варлам Тихонович был именно таким моральным примером и как человек, и как писатель.

Мальчиком двадцати одного года он вступил на путь борьбы за справедливость, участвуя в антисталинских демонстрациях. Нет, не контрреволюционных. Он считал, что это Сталин разрушает партию и нарушает принципы социализма. Получив для вразумления 3 года концлагерей на Вишере (Северный Урал), он считает, что жизнь его началась удачно: отказавшись отвечать на вопросы следователя, посаженный в одиночку Бутырской тюрьмы, он счастлив, что не изменил ни на йоту ни себе, ни товарищам.

Едва вступив в ворота лагеря, он пишет письмо в ЦК ВКП(б) и ОГПУ о том, что репрессии отрывают партию от народа, что она становится партией бюрократии. Поступает так, как должен поступить, хотя в лагере он — один, окружен уголовниками, белогвардейцами. Но этот мальчик и без опоры на единомышленников действует так, как считает должным.

За письмо ему добавляют 5 лет ссылки, но самое забавное, что пока длилась эта переписка, его срок кончился (3 года), и он уехал в Москву, а по всему Северному краю еще долго шли поиски «скрывшегося с места ссылки», а он жил под носом у ОГПУ, писал в журналах, женился...

Только в 1937 году ему припомнят эту несостоявшуюся ссылку.

Этот первый лагерь был суровым уроком для юноши.

Что мне дала Вишера? Необычайную уверенность в своей жизненной силе. Испытанный тяжелой пробой, один, без друзей и единомышленников, я выдержал пробу — физическую и моральную. Я крепко стоял на ногах и не боялся жизни.

Так выковывался характер человека и будущего писателя.

А впереди его ждала Колыма, всего пять лет вольной жизни отпустило ему ОГПУ.

Глубоко чувствующий, сострадающий людям и сопротивляющийся миру, где пришлось увидеть высоты души человеческой и бездны людских пороков, — таким он ступил на смертные тропы Колымы.

В заметках «Что я видел и понял в лагере» он пишет: «Чрезвычайную хрупкость человеческой культуры, цивилизации. Человек становился зверем через три недели — при тяжелой работе, холоде, голоде и побоях...» (А может быть, он становится зверем, когда ему дают оружие и разрешают убивать невинных).

Горжусь, что я решил в самом начале, еще в 1937 году, что никогда не буду бригадиром, если моя воля может привести к смерти другого человека, если моя воля должна служить начальству, угнетая других людей — таких же арестантов, как я...

И физические и духовные силы мои оказались крепче, чем я думал, — в этой великой пробе, и я горжусь, что никого не послал на смерть, на срок, ни на кого не написал доноса...

В рассказах «Бесстрашие», «Тачка» он называет силу, давшую ему волю к сопротивлению. «Государство и человек встречаются лицом к лицу на дорожке золотого забоя в наиболее яркой, открытой форме, без художников, литераторов, философов, экономистов, без историков. Арестант на предложение „давай“ отвечает всеми мускулами — нет. Это есть и физическое, и духовное сопротивление... На государство, которое безвинно посадило меня в лагерь и убивает холодом, голодом, побоями, — на такое государство я стараться работать не буду. Я буду выходить на работу (отказчиков от работы расстреливали), но работать буду плохо. Это и есть „лично мое собственное сопротивление“».

Оно дало опору и сопротивлению духовному — он сберег в себе человека, сберег себя от растрепанности духовного.

В лагере встречались праведники: Фёдор Лоскутов, врач, его заступничество (о котором не знал Шаламов) перед воровским «авторитетом» спасло жизнь приговоренному ворами Шаламову: он возвращал симулянтов-блатарей обратно на этап, работая в приемном отделении больницы (уже после 1949 года); Георгий Демидов, который ясно понимал, что делают с ними и твердо держался в лагере.

Шаламов часто говорил: «Богу не нужны праведники — они проживут и без Бога. Богу нужны раскаявшиеся грешники».

Но людям, людям нужны праведники, нравственный пример, на который можно опереться. Именно потому считал обязательным Шаламов соответствие слова и дела.

Жестокий путь посылал Бог праведникам: один срок сменялся другим, один забой — другим. Вольготнее жили в лагере только воровские авторитеты, отнюдь не раскаявшиеся. Но праведники и на них имели влияние. Врач Фёдор Лоскутов, считавший всех заключенных

«несчастливыми», умел пробудить в воровской душе то ли память о родном деревенском доме, о детстве, о матери. Ему и самому издали светило детство деревенское, голодное, босоное, но в кругу односельчан, которые не дадут пропасть, накормят, научат ремеслу — поставят на дорогу...

Я не верю в литературу, не верю в ее возможности по исправлению человека, опыт гуманистической русской литературы привел к кровавым казням XX столетия перед моими глазами. Я не верю в возможности кого-либо предупредить, избавить от повторения. История повторяется, и любой расстрел 37 года может быть повторен.

Почему же я все-таки пишу?

Я пишу для того, чтобы кто-то в моей, очень далекой от лжи прозе, читая мои рассказы, всякий смог сделать свою жизнь такой, чтобы доброе что-то сделать хоть в малом плюсе. Человек должен что-то сделать.

«Из записных книжек»

«Рак равнодушия» (из письма А. Кременскому) надо вырезать скальпелем хирурга-писателя.

Своим делом он считал искусство.

Искусство требует соответствия действия и сказанного слова, и живой пример может убедить живых к повторению — не в области искусства, а в любом деле. Вот какие нравственные задачи ставить — не более. Учить людей нельзя.

«Из записных книжек»

Я хорошо знала Варлама Тихоновича, могу сказать с полной ответственностью: он был таков, что стыдно при нем было бы жить недостойно, невозможно быть

жестоким и злым, и лживым. Не зря Солженицын называл его своей совестью¹.

К тому же Варлам Тихонович обладал редкой проницательностью, видя людей насквозь, их себялюбие, хитрость, стремление «ловчить на чужой крови», делая карьеру.

Праведники делают атмосферу жизни чище, словно озонируют ее. Пусть немногих они вдохновляют, но те немногие передадут свое знание и ощущение другим. Праведники необходимы на земле сейчас тем более, чем более жестоким, безжалостным становится мир, а понятие греха уходит из жизни. О нем и не думает никто, убивая детей и стариков во имя корыстных целей.

Вот строки его письма Б. Пастернаку еще с Колымы, 18 марта 1953 года:

Корень поэзии в этике, и мне подчас кажется, что только хорошие люди могут писать настоящие большие стихи...

Двадцать восьмое марта 1953 года:

Задача поэзии — нравственное совершенствование человека — та, та самая задача, которая сто-

¹ Ссылка на Солженицына у И. П. носила ритуально-саркастический характер, так как миланский конгресс проходил под знаком славословия в адрес автора «Архипелага ГУЛАГ» (выступали Е. Ц. Чуковская, Н. А. Струве, Арина Гинзбург и другие). Сарказм И. П. легко ощутим в следующей фразе, где она говорит о «редкой проницаемости Шаламова, видевшего людей насквозь, их себялюбие, хитрость, стремление „ловчить на чужой крови“, делая карьеру» — все это явно имеет адресом Солженицына. Следует напомнить, что незадолго перед этим (в книге В. Шаламова «Воспоминания». М., 2001) И. П. впервые напечатала «Неотправленное письмо Солженицыну» 1974 года, где Шаламов писал: «„Вы — моя совесть“. Разумеется, я все это считаю бредом, я не могу быть ничьей совестью, кроме своей, и то — не всегда, а быть совестью Солженицына...» — *Прим. В. В. Есипова.*